

Н. И. Казаков

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХАРАКТЕРЕ «ЗАПИСОК ФЛОТА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА ЕГОРА МЕТАКСЫ»

В 1915 г. в Петрограде военно-морским историком В. Ильинским, автором ряда работ об адмирале Ф. Ф. Ушакове¹, были опубликованы «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы», ставшие позднее одним из важнейших исторических источников при изучении средиземноморской кампании русского флота 1798—1799 гг. под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. В предисловии В. Ильинский характеризует Е. Метаксу как активного участника и свидетеля описываемых событий, начавшего свой труд под их непосредственным впечатлением. «Поскольку мемуары, — пишет издатель, — могут служить вспомогательным источником для истории, постольку „Записки“ Метаксы дают богатый материал для истории нашего флота в 1798—1799 гг.»².

Несколько позднее в статье об адмирале Ушакове В. Ильинский писал: «Для понимания характера адмирала Ушакова и его неутомимых трудов на пользу службы и дела ценны «Записки флота капитан-лейтенанта Метаксы». Этот офицер, плававший с адмиралом Ушаковым в Черном море, участвовавший в экспедиции 1798—1800 гг. и отличавшийся храбростью, умный и вдумчивый наблюдатель жизни и деятельности нашего адмирала...»³.

Академик Е. В. Тарле, характеризуя привлеченные им для своего исследования («Адмирал Ушаков на Средиземном море») источники, писал: «Есть одно произведение мемуарной литературы первостепенного значения, которым я пользовался. Это „Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы“... Записки эти, впервые в полном виде изданные В. Ильинским в 1915 г., прошли тогда как-то почти незамеченными. Между тем по своему значению для истории этой экспедиции и биографии Ф. Ф. Ушакова книга Е. П. Метаксы решительно незаменима»⁴. Рассматривая Е. Метаксу как «летописца» похода 1798—1799 гг.⁵, Е. В. Тарле широко использовал его «Записки» в своем ценном и интересном труде.

На «Записки» Е. Метаксы, как на важнейший и по существу единственный первоисточник, относящийся к кампании 1798—1799 гг., много-

кратно ссылаются авторы как общих⁶, так и специальных работ, посвященных Ф. Ф. Ушакову, в частности, А. Андрущенко⁷ и Г. Штурм⁸. Приводятся они также во введении и в примечаниях к сборнику документов «Ф. Ф. Ушаков»⁹. Таким образом, «Записки» Е. Метаксы прочно вошли в научный оборот и широко цитируются в военно-исторической литературе.

«Записки» Метаксы, освещающие весьма значительный круг вопросов, связанных со средиземноморской кампанией русского флота 1798—1799 гг., оценивались в исторической литературе как драгоценное свидетельство очевидца, прекрасно осведомленного о флотоводческой и военно-дипломатической деятельности прославленного русского адмирала. Нередко в «Записках» пытались найти ключ к пониманию и объяснению целого ряда сложных проблем военно-морского искусства адмирала Ф. Ф. Ушакова и внешнеполитических мер, предпринятых царским правительством в районе Средиземного моря. При этом никто из авторов, пользовавшихся «Записками» Метаксы, не задался целью выяснить их происхождение, проанализировать содержание и ответить на вопрос, в какой мере они заслуживают доверия как первоисточник мемуарного характера. Одним словом, эти записки были приняты в исторической литературе без предварительного критического изучения. В этой связи мы и задались целью попытаться восполнить указанный пробел, причем в данном очерке автор ставит перед собою весьма ограниченную задачу — проследить условия возникновения источника и таким образом установить его подлинность, характер и научную значимость. Критический разбор содержания «Записок» Метаксы и анализ их достоверности составит тему нашей следующей статьи.

Биографические сведения о жизни и службе Е. П. Метаксы до участия его в средиземноморской экспедиции адмирала Ф. Ушакова крайне скудны и отрывочны. Из его послужного списка¹⁰ известно, в частности, что в 1785 г. он был принят кадетом (примерно в возрасте 9—10 лет) в «Корпус чужестранных единоверцев», или, как его называли иначе, «греческую гимназию», и выпущен оттуда в 1791 г. мичманом с назначением в Черноморский флот на корабль «Владимир». В том же году Е. Метакса принимал участие в сражении при мысе Калиакрия. Следующие семь лет прошли для него в ежегодных плаваниях по Черному морю.

В августе 1798 г. с эскадрой адмирала Ушакова он перешел из Севастополя в Константинополь, где, как знающий турецкий язык, был назначен (15 сентября 1798 г.) на турецкий флагманский корабль «для перевода... и исполнения по сигналам, какие на эскадре... (русской.— Н. К.) учинены будут...»¹¹. В октябре того же года лейтенант Метакса, командуя турецким десантным отрядом, отличился при взятии острова Занте¹². В конце октября Е. Метакса был командирован Ф. Ф. Ушаковым к Алипаше Янинскому с письмом, в котором русский адмирал ставил пашу в известность о принятии жителей города Парги под защиту России и требовал немедленно освободить арестованного в Превезе русского консула майора Ламброса¹³. В период осады крепости Корфу Е. Метакса находился на борту турецкого флагмана (ноябрь 1798 — февраль 1799 гг.), а потом с объединенной русско-турецкой эскадрой перешел к Неаполю¹⁴.

⁶ С. Б. Окунь. История СССР (1796—1825). Л., 1948, стр. 49—51.

⁷ А. Андрущенко. Адмирал Ушаков. М., 1951, стр. 181—183, 196, 197 и др.

⁸ Г. Штурм. Ф. Ф. Ушаков. М., 1947, стр. 225—304.

⁹ Адмирал Ушаков. Документы, т. II. М., 1952, стр. XIII, XV, XVI, 107, 149.

¹⁰ Общий морской список, ч. IV, стр. 354—355.

¹¹ Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 107. См. также Р. Скаловский. Жизнь адмирала Ушакова, ч. I. СПб., 1856, стр. 245—258, 300.

¹² Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 143—145.

¹³ Там же, стр. 161.

¹⁴ Общий морской список, ч. IV, стр. 355.

¹ В. Ильинский. Адмирал Ушаков в Средиземном море. СПб., 1914; его же. К биографии адм. Ушакова. «Морской сборник», 1914, № 4; его же. К 125-летию морской победы у мыса Калиакрии (1791). «Морской сборник», 1916, № 7.

² Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг., 1915 (далее — «Записки»), стр. V—VI.

³ В. Ильинский. Адмирал Ф. Ф. Ушаков. «Морской сборник», 1919, № 7—8, стр. 164—165.

⁴ Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 32.

Таким образом, весь период борьбы за Ионические острова лейтенант Е. Метакса провел на турецкой эскадре, принимавшей весьма незначительное участие в тогдашних боевых операциях¹⁵.

Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением В. Ильинского, что «Записки» Метаксы особенно ценны и незаменимы для характеристики адмирала Ушакова, личность которого якобы сосредоточила на себе исключительное внимание автора «Записок».

Известно, что мемуары могут стать причиной серьезных ошибок исследователя, если он предварительно не поставит вопроса об источниках и степени осведомленности их автора и не выяснит, был ли он современником и участником изображаемых событий. Если же мемуарист излагает их не на основе личного знакомства с фактами, то следует установить, каково происхождение и особенности сообщаемой им версии, насколько источник, из которого они были заимствованы, заслуживает доверия. Следовательно, один из важнейших элементов критического анализа мемуарного источника состоит в определении того, является ли он «плодом одного припоминания лично знакомых автору фактов или мемуарист создает ткань своих воспоминаний на основе какого-то документального материала — официальной переписки, частных писем, газетных сообщений и т. д.»

На все эти источниковедческие вопросы применительно к «Запискам» Е. П. Метаксы вполне удовлетворительный, на наш взгляд, ответ дают некоторые письма Александра Яковлевича Булгакова, адресованные его брату — Константину — в Петербург в период 1819—1825 гг.¹⁶ Обширнейшая переписка А. Я. Булгакова, по словам князя П. А. Вяземского, «могла бы послужить историческим или по крайней мере общежительным справочным словарем для изучения современной ему эпохи...»¹⁷. Эти интереснейшие письма, являющиеся поистине энциклопедией русской жизни первой трети XIX в., до сих пор не привлекали внимания историков для решения поставленной задачи.

Впервые о «Записках» Е. Метаксы упоминается в письме А. Я. Булгакова от 3 марта 1819 г. Отправляясь на лечение в Карлсбад, он сообщал в Петербург: «К счастью, взял я с собою Метаксовы записки, над коими работаю с удовольствием. Две последние тетради будут очень занимательны»¹⁸. 7 сентября того же года он пишет брату, что «поправляет записки» Метаксы и просит передать, чтобы к его возвращению в Москву брат достал портреты Ушакова и Али-паши. «Тогда, — говорит Булгаков, — примусь тотчас печатать первую часть»¹⁹.

Каким образом и почему «Записки» Е. П. Метаксы оказались у А. Я. Булгакова, выясняется в общих чертах из того же источника. А. Я. Булгаков, находившийся на дипломатической службе, познакомился в Неаполе с лейтенантом Е. П. Метаксой (в 1802—1807 гг.), прибывшим туда на кораблях русской эскадры. Затем он встретился с ним вновь в Москве весной 1812 г., стал одним из его ближайших друзей и принимал с тех пор самое деятельное участие в устройстве судьбы Метаксы. Чтобы облегчить тяжелое материальное положение друга, вышедшего в отставку, он привлекал его к своей литературной работе, памятником которой явилась опубликованная в Москве в 1813 г. книга «Русские и Наполеон Бона-

парте». По поводу этого литературного сотрудничества Булгаков писал: «Я недоволен, что я не работаю один, а вдвоем, так как Метакса может подумать, что я хочу присвоить себе часть его труда, но я этого упрека не боюсь, поскольку все на свете знают, что Метакса удивительно плохо пишет по-русски»²⁰.

Видимо, в процессе этих совместных литературных занятий и родилась у них идея написать воспоминания о «военных подвигах российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Ф. Ф. Ушакова Ионические острова», в составе которой Е. П. Метакса проделал кампанию 1798—1799 гг.

У А. Я. Булгакова была страсть убеждать своих близких и знакомых писать мемуары и записки об их жизни. Так, сообщая о своих встречах с графом Ф. В. Ростопчиным, он писал: «Я его уговариваю писать свои мемуары. Оне верно не увидят свет, покуда он жив; да и не надобно бы ему их и издавать: он не довольно хладнокровен, чтобы обо всем говорить беспристрастно... Надобно другому за это взяться, но все главное будет сделано, т. е. материалы накоплены»²¹. Последние строчки нам особенно важны для выяснения взглядов А. Я. Булгакова на роль мемуаристов. По его мнению, мемуаристу только следует накапливать материал, а «обрабатывать» его в соответствующем духе должен другой человек, свободный от субъективных увлечений автора²².

Нужно полагать, что первый черновой набросок таких воспоминаний или записок был сделан Е. П. Метаксой, завершившим свой первоначально небольшой труд в 1819 г.²³, после чего он перешел на литературную и редакционную доработку к его другу А. Я. Булгакову, обладавшему несомненным писательским талантом²⁴. Опубликованные А. Я. Булгаковым в 1813—1826 гг. брошюры и статьи говорят о его увлечении историко-биографической тематикой, а необъятное по своим размерам эпистолярное наследство обнаруживает у А. Я. Булгакова несомненную способность наблюдательного бытописателя.

Участие А. Я. Булгакова в переделке и доработке «Записок» было, видимо, столь значительно, что это дало ему основание постоянно называть их в своих письмах «нашими записками». 29 апреля 1821 г. он писал: «Я трактую с Селивановским (московским издателем. — Н. К.), продаю ему манускрипт трудов наших с Метаксой...»²⁵.

11 октября 1821 г. А. Я. Булгаков информировал своего брата о ходе работы над записками Метаксы: «Окончив главу одну в Метаксовых записках, принимаюсь к тебе писать, любезнейший друг. Мне хочется, как кончу первую часть, прислать к тебе на прочтение и одобрение. Ты скажешь мне свои мысли, ежели надобно переправим. В „Correspondance officielle de Napoleon“ нашел я многие сведения, кои включил я в статью о Корфу. Продолжение будет еще занимательнее. Неаполь и Палермо будут театрами происшествий: места и дела мне известны. Сверх того, Татищев дал мне на сохранение все бумаги бывшей нашей миссии. Все это будет полезно, и я надеюсь, что в некотором отношении записки сии не уступят Броневскому²⁶, хоть нашему герою нельзя равняться с его. Далек Ушакову до Сенявина»²⁷.

²⁰ Там же, кн. 2, стр. 234.

²¹ Там же, 1901, кн. 6, стр. 190.

²² В 1826 г. в XXVI части «Отечественных записок» А. Я. Булгаков опубликовал биографию графа Ф. В. Ростопчина на основе материалов его семейного архива.

²³ «Записки», стр. 113, примечание.

²⁴ См. Русский биографический словарь, т. III, стр. 458—460.

²⁵ «Русский архив», 1901, кн. 1, стр. 83.

²⁶ А. Я. Булгаков имеет здесь в виду «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810», изданные в 1818—1819 гг. в четырех частях. Автором их был Владимир Броневский.

²⁷ «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 286.

¹⁵ В письме Ф. Ф. Ушакова турецкому адмиралу Кадыр-бею прямо говорится о недружественной пассивности вверенной ему эскадры, суда которой «всегда были в стоянке на якорях, в бой против неприятельских кораблей никогда не входили» и не оказали русскому флоту даже самой минимальной поддержки (см. Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 436).

¹⁶ Письма из Москвы А. Я. Булгакова к его брату в Петербург. «Русский архив», 1900, кн. 2—3; 1901, кн. 1—5.

¹⁷ Полное собрание сочинений кн. П. Вяземского, т. VII. СПб., 1912, стр. 184.

¹⁸ «Русский архив», 1900, кн. 10, стр. 198.

¹⁹ Там же, стр. 219—220.

Это письмо интересно в двух отношениях. Во-первых, оно обнаруживает приемы и методы работы А. Я. Булгакова над «Записками», которые он усиленно обогащал данными, почерпнутыми не из запаса памяти мемуариста, а из официальных документов — не только русского, но и иностранного происхождения. Во-вторых, оно свидетельствует о проводившейся А. Я. Булгаковым работе над второй, неизданной частью «Записок», посвященных действиям русского флота у побережья Южной Италии с мая 1799 по октябрь 1800 г., в существовании которой высказал необоснованное сомнение В. Ильинский²⁸. Вторая часть, видимо, целиком была составлена А. Я. Булгаковым и лежит где-нибудь в архиве, ожидая своего издателя.

Из писем А. Я. Булгакова мы с сожалением узнаем о досадной небрежности, которую нередко проявлял Е. П. Метакса в передаче содержания многих ушаковских документов, выдумывая нередко их текст. Поэтому, чтобы придать его воспоминаниям черты достоверного рассказа, А. Я. Булгакову приходилось усиленно корректировать многие безответственные вымыслы своего друга, справляясь для этой цели с фактами из официальных документов.

«Записки Егорушки Метаксушки пришло тебе, — писал он брату Константину 1 ноября 1821 г., — а за Али-пашу очень тебе буду благодарен; рожа его была бы кстати, и это приманка для взрослых читателей... Очень бы ты одолжил меня Корфиотскою капитуляцией и даже донесением Ушакова. Не может ли Каподистрия это вытребовать из коллегии нашей адмиралтейской? Ты можешь понять, что я его или Нессельроде не компрометирую, эта вещь уже старая, не секретная, а явная, а Метакса изволил написать капитуляцию из головы, не понимая, что такие вещи должны быть самые точные. Но он, видимо, как аббат, писавший о взятии Родоса; ему дают документы официальные, а он отвечает: это пришло слишком поздно, моя осада уже окончена»²⁹.

Зная, что круг наблюдений лейтенанта Е. П. Метаксы в период его пребывания на Средиземном море был сравнительно узок, А. Я. Булгаков, пользуясь своими связями, пытался раздобыть различные архивные материалы, и в частности материалы из фондов Министерства иностранных дел и из личных собраний участников кампании 1798—1799 гг. С этой целью он разбирает коллекцию документов своего отца — Я. И. Булгакова³⁰, бывшего русского посла в Константинополе в 1774—1787 гг., и усиленно добывается приобретения бумаг, оставшихся у наследников Ф. Ф. Ушакова после его смерти в 1817 г., а также вахтенных журналов А. А. Сорокина, командовавшего отрядом кораблей в составе эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Особое внимание авторов «Записок» привлекал, естественно, личный архив Ф. Ф. Ушакова, который мог бы стать для них важнейшим и надежнейшим источником сведений о действиях русского флота в 1798—1799 гг. и лечь в основу первой части подготовленных «Записок». 11 октября 1821 г. А. Я. Булгаков писал в Петербург: «После Ушакова наследовали какие-то два племянника; скотам этим доставались и бумаги его. Они не знают цены их; есть тут множество писем Суворова, очень любопытных. Мы (т. е. Булгаков и Метакса. — Н. К.)... просили; не дают, отговариваясь, что сами издадут это в свет. На такую отговорку не только нельзя сердиться, но можно было бы порадоваться, ежели бы были они в состоянии выполнить отзыв свой. Отдадут другим материалы, или продадут, или пойдут клочками в журналы.

²⁸ «Записки», стр. III. См. также прим. на стр. 205.

²⁹ «Русский архив», 1901, кн. стр. 288 и 290.

³⁰ Там же, кн. 1, стр. 73. Бумаги Я. И. Булгакова из Константинопольского посольства 1779—1798 гг. См. Русское историческое общество, т. 47. СПб., 1885.

Другая умная голова, скажу Вам, Сорокин³¹, и у него просили мы журналы его на время, но не добились. Тем хуже для него; упомянем об нем только слегка»³².

После длительных переговоров с наследниками Ф. Ф. Ушакова Е. П. Метаксе удалось, наконец, в 1823 г. на средства князя А. С. Меншикова (за 500 рублей) приобрести этот уникальный архив, содержащий в себе исключительно интересные для освещения ионической кампании 1798—1799 гг. материалы. Об этой редкой удаче для авторов мемуарных записок А. Я. Булгаков известил своего брата Константина 4 июня 1823 г.:

«Бумаги, кои Метакса по милости Меншикова купил у пьяного Ушакова, заключают бесценные материалы, и теперь эти записки очень пополняются достоверными и официальными документами»³³.

Из последующей переписки А. Я. Булгакова выясняется, что он на основе бумаг Ф. Ф. Ушакова коренным образом переработал уже имеющийся вариант «Записок» и широко пополнил их новыми материалами, превратившимися, таким образом, в личное достояние удачливых «мемуаристов». Вот что писал А. Я. Булгаков 15 июня 1823 г. о значении приобретенных Метаксою бумаг для завершения их коллективного труда:

«Метакса дал мне все бумаги, купленные у Ушакова. Тут есть предрагоценные документы³⁴. Между ними нашлось несколько фирманов. Посылаю пять при сем. Нельзя ли милому Фонтону взять на себя труд этот перевести? Вероятно, касается это до дел, описываемых нами в записках... Есть тут также письма Нельсона, левою рукою писанные. Теперь придется мне переправлять опять Записки, имея сии официальные документы. Тут и рапорты Ушакова к Павлу I»³⁵.

Переделка «Записок» Е. П. Метаксы на базе ушаковского наследства поглощала все свободное время А. Я. Булгакова, который работал над ними уже пятый год (с 1819 г.) с неизменным увлечением. В конце июня 1823 г. Булгаков обращается к своему брату с просьбой отыскать для него в Петербурге «хорошую карту, объясняющую» Босфор, Мраморное море, Дарданеллы, Архипелаг с Мореей, Грецию и Ионические острова до Адриатического моря и Отрентского пролива. «Ежели отыщешь, пришли мне, — добавляет он. — Записки Метаксы будут теперь очень огромны и много хорошего прибавится»³⁶.

Последнее упоминание о «Записках» Е. Метаксы в рассмотренной нами переписке относится к 21 сентября 1824 г., когда А. Я. Булгаков писал: «Встаю рано, работаю над Записками Метаксы, кои совсем переменял после находки Ушаковского бумаг»³⁷.

³¹ Обращение к А. А. Сорокину было вызвано тем, что в 1821 г. в журнале «Сын отечества» (№ 15) была опубликована статья под названием «Краткое извлечение из журналов военных действий отдельной эскадры, бывшей в 1799 году при Неаполитанских берегах под командою флота капитана Сорокина», написанная, видимо, на основе личных бумаг последнего. Неизвестный автор этой статьи ставил своей целью исправить ошибки, допущенные В. Броневским в освещении экспедиции в Неаполь в 1799 г. Капитан II ранга Александр Андреевич Сорокин в 1798—1799 гг. в составе эскадры Ф. Ф. Ушакова на фрегате «Михаил» осаждал остров Корфу, откуда во главе отряда кораблей плавал к неаполитанским берегам и участвовал во взятии Неаполя и блокаде Александрии. Об А. А. Сорокине см. К. Головин. Капитан-командор Сорокин в Ионической республике. «Морской сборник», 1882, № 9.

³² «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 286.

³³ Там же, кн. 4, стр. 550.

³⁴ Д. Н. Бантыш-Каменский в биографическом очерке, посвященном Ф. Ф. Ушакову, написанном на основе официальных документов и рассказов современников, передает, что знаменитый адмирал «оставил после себя любопытные записки, которые принадлежат ныне г. Метаксе». В числе бумаг Ушакова, хранящихся у Метаксы, сообщает он в примечании, находится и переписка его с Нельсоном. См. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 1. СПб., 1836, стр. 197—198.

³⁵ «Русский архив», 1901, кн. 4, стр. 554.

³⁶ Там же, стр. 555.

³⁷ Там же, кн. 5, стр. 82.

Таким образом, становится очевидным, что первоначальный текст «Записок» Е. П. Метаксы приобрел под пером А. Я. Булгакова качественно совершенно иной вид, превратившись из мемуарного источника в значительной мере в историко-литературное произведение, сохранившее, однако, в заголовке имя их первого автора.

Следует добавить, что не только один А. Я. Булгаков изменял по своему произволу первоначальный вариант рукописи Е. П. Метаксы. К бесцеремонной переделке «Записок» были привлечены и другие «знатоки» событий ионической кампании 1798—1799 гг. Отправляя рукопись «Записок» в Петербург своему брату Константину «на рецензию», А. Я. Булгаков просил: «Не забудь дать прочесть Балабину записки Метаксы. Его мнение нам нужно, он может даже пополнить это своими замечаниями и сообщением происходившего в Риме, куда был он Ушаковым послан. Теперь принимаемся за вторую часть»³⁸.

16 августа 1822 г. А. Я. Булгаков, живший в своем имении в селе Семердино и имевший «много досужего времени», торопил Е. Метаксу с присылкой материалов (видимо, сырых данных, подлежащих литературной обработке) для второй части «Записок», а брату в то же время напоминал: «Балабину скажи, чтобы он не церемонился и делал какие хочет замечания, прибавления, перемены к первому тому и присылал назад. Надобно приняться за печатание. Кому же посвятить?»³⁹

В то время как А. Я. Булгаков интенсивно трудился над переделкой и пополнением записок своего друга, Е. П. Метакса был занят другой, видимо, более устраивающей его работой: он (вкупе с другим греком) переводил (почти в течение двух лет) сочинение французского путешественника и историка — Раффенеля, посвященное греческому восстанию 1821 г.⁴⁰, желая тем самым, с одной стороны, привлечь симпатии русского общества к освободительному движению своих соотечественников, а кроме того, попутно заработать на этом предприятии немного денег.

Метакса, сообщал А. Я. Булгаков 21 августа 1823 г., «с другим греком перевел очень любопытную историю греческой войны нынешней в трех частях, цензура уже одобрила первую часть, которая печататься будет тотчас... Это истинное благодеяние для несчастной этой семьи; там подоспеют и другие наши записки и тогда Метакса несколько оживет...»⁴¹.

Летом 1824 г. граф Ф. В. Ростопчин и князь А. А. Кольцов-Мосальский дали Е. П. Метаксе денег «на напечатание книги о нынешней греческой войне»⁴². В октябре первая часть ее действительно вышла из печати⁴³. «Книга, я думаю, — писал А. Я. Булгаков брату в Петербург, — будет принята с любопытством, ибо начало возмущения греческого вовсе нам неизвестно. Будут три части с хорошою картою театра войны. Заставь всех господ подписаться...»⁴⁴.

Материальное положение Е. П. Метаксы, оказавшегося в неоплатном долгу перед многочисленными кредиторами, стало особенно тяжелым в 1824 г., когда по их искам он чуть ли не был арестован и предан суду⁴⁵.

³⁸ «Русский архив», 1901, кн. 3, стр. 409 (15 мая 1822 г.).

³⁹ Там же, стр. 446. В начале сентября подвергнувшиеся петербургской редакции «Записки» вернулись снова в Москву (см. там же, стр. 453).

⁴⁰ C. D. Raffeneil. Histoire complète des événements de la Grèce depuis les premiers troubles jusqu'à ce jour, v. I—III. Paris, 2-е изд., 1825.

⁴¹ «Русский архив», 1901, кн. 4, стр. 560.

⁴² Там же, кн. 5, стр. 72.

⁴³ История греческих происшествий, обстоятельно и подробно описанных от первоначального действия греков до сего времени, заимствованная из описаний очевидцев и некоторых сочинений с собственными дополнениями издателя флота капитана 2-го ранга Е. Метаксы, с присовокуплением карты, представляющей весь театр войны, ч. I—II. М., 1824.

⁴⁴ «Русский архив», 1901, кн. 5, стр. 85 (в этом письме книгу, которую переводил Метакса, Булгаков называет его, т. е. Метаксы, книгою).

⁴⁵ Там же, стр. 36—37, 39, 48.

Однако усилиями А. Я. Булгакова, собравшего «для выкупа» своего друга значительную сумму денег, судьба Е. П. Метаксы резко изменилась: он не только вскоре расплатился со своими долгами, но, получив место управляющего имениями княгини Е. А. Голицыной⁴⁶, а позднее (в 1826 г.), по завещанию графа Ф. В. Ростопчина (у которого Метакса жил с семьей «из милости»), ежегодный двухтысячный пенсион⁴⁷, стал вполне обеспеченным человеком. Его тогда, видимо, уже перестали волновать литературные занятия, предпринятые им в свое время не по призванию, а главным образом из материальных соображений.

Как уже выше отмечалось, последнее сообщение о работе над «Записками» Е. П. Метаксы относится к сентябрю 1824 г., хотя имя их «автора» и продолжает периодически появляться в письмах А. Я. Булгакова (до 1829 г.), но уже вне всякой связи с интересующим нас вопросом. Трудно установить, чем это было вызвано: то ли тем, что работа над «Записками» была завершена, или тем, что авторы ее прекратили и отказались по неизвестным нам причинам от мысли их издать.

Любопытна и загадочна последующая судьба рукописи «Записок» Метаксы. Припомним, что, несмотря на имевшуюся в 1821 г. договоренность А. Я. Булгакова с известным московским книгопродавцем С. Селивановским, они не были опубликованы. Возможно, что, затянув процесс доработки и переработки «Записок», их авторы столкнулись с неожиданным сюрпризом — выходом в свет нескольких сочинений на ту же тему А. Висковатого⁴⁸, вследствие чего они решили отложить их печатание из опасения, что «Записки» уже не смогут вызвать того интереса читателей, на который рассчитывали Е. П. Метакса и А. Я. Булгаков.

Кроме того, на решение об их издании (в 1825—1828 гг.) могли повлиять и многие другие обстоятельства, высказывать догадки о которых, не располагая какими-либо ориентирующими нас фактами, мы считаем занятием бесплодным.

Сам Булгаков по этому поводу писал в своих воспоминаниях следующее: «Метакса оставил записки, в которых описываются подвиги русского флота в Черном и Средиземном морях и покорение Ионических островов, занятых в то время французской республикой. Записки сии были мною пополнены и переправлены потому, что Метакса не хорошо писал по-русски. Я напечатал в «Сыне отечества» некоторые отдельные любопытные статьи, но, к сожалению моему, полное сочинение в свет еще не вышло, по причинам от меня независимым, и о которых не место здесь рассказывать»⁴⁹.

В 1860—1861 гг. «Записки» Метаксы, видимо, вновь кем-то готовились к печати, ибо известно, что 5 февраля 1861 г. они прошли цензуру московского цензурного комитета и были снабжены надписью: «Печатать полагается, цензор Н. Гиляров-Платонов»⁵⁰. Однако и на этот раз они не вышли в свет, а по реестрам 1863 г. «Записки» уже числятся поступившими в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку⁵¹. Спустя 17 лет, в 1880 г., они начали было печататься в «Морском сборнике»⁵², но после

⁴⁶ Там же, стр. 72.

⁴⁷ Л. А. Ростопчина. Правда о моей бабушке. «Исторический вестник», 1904, январь, стр. 64.

⁴⁸ А. Висковатов. Блокада и осада Корфу в 1798—1799 гг. СПб., 1828; его же. Взятие острова Святой Мавры капитаном I ранга Сенявиным в 1798 г. «Славянин», ч. VII, 1828; его же. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве в 1798—1799 гг. «Славянин», ч. IV, 1827; ч. V, 1828 и др.

⁴⁹ А. Я. Булгаков. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Ф. А. Ростопчина. «Старина и новизна», 1904, т. VII, стр. 127. «Записки» Метаксы Булгаков давал читать адмиралу Литке, который их одобрил.

⁵⁰ «Записки», стр. IX.

⁵¹ В этом же году умер А. Я. Булгаков.

⁵² «Морской сборник», 1880, № 4.

появившихся двух глав (из 15) издание по непонятным причинам прекратилось. Свет они увидели лишь в 1915 г.

Рассмотрим в заключение, каков мог быть личный творческий вклад Е. П. Метаксы в изданные «Записки», что в этом сложном по своему составу историко-литературном памятнике могло ему принадлежать как мемуаристу.

Выступая в своих «Записках» в роли комментатора и истолкователя смысла и значения проводимых Ф. Ф. Ушаковым военных операций и политических мероприятий, Е. П. Метакса тем самым создает у читателя впечатление о своей прямой осведомленности в военных планах и замыслах Ушакова⁵³. Между тем, как показывает его послужной список⁵⁴, во время кампании 1798—1799 гг. Е. П. Метакса не только не был ближайшим сотрудником Ушакова, но фактически даже не находился на кораблях русского флота, а плавал на турецком флагмане. Поэтому он не мог ни непосредственно наблюдать действия Ф. Ф. Ушакова, ни внимательно изучить его характер. Большинство рассказов Е. Метаксы об адмирале Ушакове — отнюдь не свидетельство очевидца, а результат литературной обработки (выполненной А. Я. Булгаковым) различных архивных материалов.

Вполне естественно, когда мемуарист, работающий над своими записками или воспоминаниями, посвященными событиями почти двадцатилетней давности, привлекает для проверки и уточнения сообщаемых им фактов современные официальные документы, но иное дело, когда он, не будучи свидетелем этих фактов, выдает себя за их очевидца, используя для этой цели данные других источников. В последнем случае такой автор из мемуариста превращается в обычного историка, воссоздающего на основе разнообразных материалов те или иные картины прошлого.

Кроме того, нельзя не учитывать, что Е. Метакса не был единственным творцом своих собственных записок, а имел полноправного соавтора в лице А. Я. Булгакова, которому фактически отдал на литературный откуп сырые материалы и беглые наброски. А. Булгаков их не только отделил стилистически, но, как это нами показано, обогатил широким кругом новых архивных источников. При этом на содержание «Записок» Метаксы не могли не повлиять и свойственные Булгакову «живость воображения»⁵⁵ и склонность к «увлекательным» вымыслам.

Так, плодом этой «живости воображения» явился опубликованный в 1812 г. «Разговор Неаполитанского короля с графом Милорадовичем», сюжет которого вскоре перекочевал во всевозможные издания, посвященные войне 1812 г. Этот вымышленный «разговор», долгое время считавшийся историческим фактом, был дезавуирован автором лишь в 1831 г., в частном письме брату, где он писал: «Я в двое суток прочел всего Загоскина, то есть «Рославлева». Он поместил тут вымышленный мною, во время эмиграции нашей из Москвы в 1812 году, когда я гостил у графа Воронцова в Андреевской деревне его, — разговор между Мюратом и Милорадовичем. Граф Ростопчин послал его тогда в Петербург, и пошел этот разговор по всем журналам, даже иностранным»⁵⁶.

В Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в «Фонде Булгаковых», насчитывающем несколько тысяч единиц хранения и пока еще полностью не разобранным и не описанным, имеется два нумерованных дела, которые и содержат в себе черновые и, к сожалению,

⁵³ В частности, Е. Метакса использует в своих «Записках» секретные доклады Ушакова Павлу I, содержание которых не могло быть, естественно, ему в то время известно.

⁵⁴ Общий морской список, ч. IV, стр. 354—355.

⁵⁵ Полное собрание сочинений П. А. Вяземского, т. VII, стр. 183.

⁵⁶ К. Военский. Священной памяти 1812 года. СПб., 1912, стр. 190. Лишь в 1843 г. в «Москвитянине» А. Я. Булгаков выступил с публичным покаянием по поводу своей «шутки» с «разговором».

неполные варианты рукописей «Записок флота капитан-лейтенанта Метаксы». Сличая эти две рукописи, можно отчасти проследить ход работы над «Записками» и увидеть, как сухая первоначальная схема событий обрастала толстым слоем привносных дополнительных материалов.

Чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о соотношении мемуарных и чисто литературных материалов в составе «Записок» Е. Метаксы, сравним содержание двух текстов, посвященных одной и той же теме (Али-паше Янинскому), но изданных в разное время. Если объем опубликованного Е. Метаксой в 1820 г. в журнале «Сын отечества»⁵⁷ рассказа о посещении им в 1798 г. Али-паши Янинского не превышает половины печатного листа, то тот же эпизод в издании 1915 г. занимает в нескольких главах минимум пять печатных листов. В последний вариант «Записок» А. Я. Булгаков включил немало новых надуманных ситуаций, частично изменил содержание диалогов между Али-пашой и Е. Метаксой и усилил драматизм личных переживаний последнего. Например, если согласно версии 1820 г.⁵⁸ Али-паша после первой короткой аудиенции, данной Е. Метаксе, предложил ему отобедать и отдохнуть, то в «Записках» 1915 г.⁵⁹ по окончании этого официального приема введена между ними конфиденциальная беседа, имеющая явно не секретный характер, ибо Али-паша задал Е. Метаксе вопросы о его происхождении и службе. Этот дополнительный диалог понадобился авторам мемуаров для того, чтобы изложить биографию Метаксы и высказать от его имени верноподданические чувства царствующему дому Романовых. Если сличить эти два разновременных написанных текста, то легко установить, что расширение последнего шло в значительной мере за счет сделанных авторами цедрых заимствований из изданного в 1824 г. сочинения⁶⁰ известного французского дипломата и писателя Ф. Пукевиля, долгое время состоявшего французским представителем при дворе Али-паши в Янине. Источники, обогатившие знания Е. Метаксы и А. Булгакова об Али-паше Янинском, к счастью для нас, сохранились в ряде примечаний к рукописи, и все они указывают на работы Пукевиля⁶¹.

Отделить собственный текст Е. П. Метаксы от последующих историко-литературных наслоений — задача весьма трудная, однако можно с уверенностью сказать, что таких сохранившихся чисто мемуарных свидетельств в его «Записках» немало и многие из сообщаемых Метаксой фактов заслуживают полного доверия. Так, в частности, показания Е. Метаксы о всеобщей симпатии жителей Ионических островов к России, которую они рассматривали как свою могущественную избавительницу от гнета французских завоевателей, не могут вызвать каких-либо сомнений. Тем более что эти его непосредственные впечатления (грека по национальности) подкрепляются многочисленными официальными документами Ф. Ф. Ушакова, который 10 ноября 1798 г. доносил Павлу I: «Откровенно осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству генерально все жители здешнего края (греки Ионических островов. — Н. К.)... бесподобную приверженность имеют к России и к вашему императорскому величеству, сими только средствами мы малым числом десантных войск побеждаем и берем крепости, которые великими турецкими войсками без наших, по мнению моему, никак бы взять было невозможно...»⁶².

⁵⁷ Е. Метакса. Али-паша. «Сын отечества», 1820, ч. 42, стр. 60—61; ч. 43, стр. 97—112.

⁵⁸ «Сын отечества», 1820, ч. 42, стр. 69.

⁵⁹ «Записки», стр. 137—138.

⁶⁰ F. Pongueville. Histoire de la régénération de la Grèce, t. I—IV. Paris, 1824. См. также сочинение того же автора «Жизнь Али-паши Янинского», ч. I—III. СПб., 1822—1823.

⁶¹ «Записки», стр. 112, 113, 125, 127 и 131.

⁶² Адмирал Ушаков. Документы, т. II, стр. 193.

Приведенные выше материалы, главным образом письма А. Я. Булгакова, позволяют, как нам представляется, сделать вывод о том, что так называемые «Записки» Е. П. Метаксы не могут в целом рассматриваться как первоисточник мемуарного характера, ибо те из описанных в них фактов (вкрапленные в общий текст), которые могут быть приняты за свидетельства непосредственного наблюдателя, настолько обросли привносимым историко-литературным материалом, что без специального и тщательного исследования отделить первоначальные впечатления от их позднейшей литературной передачи и булгаковской интерпретации чрезвычайно трудно.

Обращает на себя внимание такая особенность этого памятника, как явное преобладание в нем историко-мифологического, географического и этнографического материала, т. е. материала историко-литературного, над текстом собственно мемуарного характера. Эта особенность «Записок» Е. Метаксы лишний раз свидетельствует о том, что под видом воспоминаний очевидца читателю преподносится в основном исторический труд, в котором элемент личных наблюдений тонет в массе позднее привлеченных различных архивных документов и некоторых исторических сочинений.

Однако сделанный нами вывод отнюдь не лишает «Записки» Метаксы их научно-познавательного интереса, и особенно в той их части, где они могут рассматриваться как один из наиболее ранних трудов по истории средиземноморской экспедиции русского флота в 1798—1799 гг., основанный на переплетающихся данных личных воспоминаний и архивных материалов, подвергнутых талантливой литературной обработке. При этом А. Я. Булгаков, затративший на пополнение и коренную переработку «Записок» Е. П. Метаксы пять лет кропотливого и напряженного труда, может быть с полным основанием признан его полноправным соавтором.